

О національном покаяніи

И лжует, смѣясь над тобой, сатана,
Что была ты Христовой звана.

В. Иванов (Cor ardens).

Быть может, религиозная судьба Россіи сейчас лишена того, что называется общественной актуальностью. Внѣшне побѣжденная, религія в Россіи загнана в подполье. Вѣрность церкви, участие в ея жизни равносильны отказу от внѣшней не только политической, но и профессиональной работы. Соціальные процессы, совершающіеся в Россіи, приобрѣли столь огоденно-матеріальный, стихійный характер, что кажется трудно внести в иа безчеловѣчную механику такой невѣсомый, такой «сurreальный» момент, как религиозная вѣра христіанскаго остатка. Огромное множество живущих и дѣйствующих в Россіи людей, особенно молодых, вѣроятно, просто не замѣчают явленія религиозной жизни; во всяком случаѣ не относятся к нему серьезно. Утверждать при этом, что паденіе большевиков необходимо связано с религиозным возрожденіем Россіи, кажется нестерпимой фальшью. Большевизм может пасть от саморазложенія своей идеи, от сопротивленія экономической стихіи — гораздо раньше, чѣм религиозность в Россіи станет замѣтной общественной величиной.

Но совершенно иначе встанет вопрос, когда мы от разрушенія большевизма перейдем к возстановленію Россіи. Россія для нас — не голое «мѣсторазвитіе», не условное имя Восточно-Европейской равнины с конгломератом народностей, вовлеченных в техническую цивилизацію Запада. Представим себѣ, что нам суждено вернуться в освобожденную Россію и работать для нея остаток наших дней. Что мы увидим, что мы узнаем от Россіи? Культура, моральный облик, самая внѣшность, от одежды до физическаго типа людей (отяжелѣвшаго, заострившагося) так измѣнились, что мы можем не признать в них своих, как они в нас. Что же останется от Россіи?

BIBLIOTHÈQUE
MUSEUM
rue de Valenciennes

Язык? — но столь переродившийся, что каждое слово будет мучительно рѣзать ухо. Земля? — единственно неизмѣнная, всегда любимая... но которая может стать для нас кладбищем, гдѣ, среди развалин и исторических памятников, нам останется только плакать о Россіи. Среди «младого, незнакомаго» племени утѣшит ли нас горячка американскаго строительства, самодовольство грошеваго просвѣщенія, даже физическое здоровье новой, грубой расы — утѣшат ли они в гибели того, что мы всё, даже не вѣрующіе в онтологическій смысл этого слова, называли душой Россіи? Эту душу мы ощущали безотчетно в каждой интонаціи родной рѣчи, в том, что просвѣчивало сквозь тѣлесно-зримую оболочку русскаго этнографическаго типа и, сопоставляя это «безотчетное» с тѣм, что мы считали самым подлинным, самым русским в нашей культурѣ, мы спокойно констатировали их тождество. Народ и его культура были единым. Народ творил культуру.

Не трудно видѣть, что и эта культура и душа этого народа были существенно христіанскими. Вся русская литература XIX вѣка, в основном своем руслѣ, да и почти во всѣх своих побѣгах, — была, по крайней мѣрѣ в этическом смыслѣ, христіанской. Для Запада это бросалось в глаза с полной ясностью: та любовь и состраданіе, та жертва и нисхождение, в которых иностранцы видят паѳос русской литературы, безспорно принадлежат к христіанскому наслѣдію в уже дехристіанизированной культурной средѣ. Можно уточнить и дальше и признать не только христіанскій, но и восточно-православный характер этой культуры. Признать родство русской интеллигенціи, даже в безбожном ея станѣ (а, может быть, особенно в безбожном), с типом древне-русской религіозности. Подвижники, юродивые, страстотерпцы обернулись опрошенцами, народниками, мучениками за волю и счастье народа. Хотя отступничество от имени Христа не прошло и для них даром. Мрачныя тѣни легли на иконописные лики безбожных праведников. Искаженіе, потом разложеніе христіанской души уже начиналось — в діалектикѣ революціи.

В большевизмѣ этот процесс разложенія закончился. Ему удалось воспитать поколѣніе, для котораго уже нѣтъ цѣнности человѣческой души — ни своей, ни чужой. Убить человѣка —

все равно, что раздавить клопа. Любовь — случка животных, чистота — смѣшной вздор, истина — классовый или партійный утилитаризм. Когда схлынет волна революціоннаго коллективизма, эта «мораль» станет на службу личнаго эгоизма. Французская революція была не менѣ грандіозной, планетарной, эсхагологической. Но когда волны ея потопа вошли в берега, на де-христианизированной землѣ поднялся и процвѣлъ мѣщанин — расчетливый и скопидомный стяжатель. Судьба обезбоженной Россіи будет ли иной? Если чисто буржуазное мѣщанство в наш вѣкъ как будто невозможно, то остаются другія формы: мѣщанство огосударствленное, мѣщанство смѣшанное, — наконец, мѣщанство социалистическое. Но и мѣщанство не послѣдняя ступень человѣческаго паденія. Человѣкъ без Бога не может остаться человѣком. Обезбоженный человѣкъ становится звѣрем — в борьбѣ — или домашним животным — в укрощенной цивилизаціи.

Культура — эти сгустки накопленных цѣнностей — замедляет процесс бестіализаціи обезбоженнаго человѣка, задерживая его в этических, эстетических планах человѣческой душевности. Вот почему слабость культурной прослойки в русской жизни безпощадно оголяет звѣря. Прошедшій через революцію русскій человѣкъ быстро теряет не только національное, но и человѣческое лицо.

Но если это так, то возстановленіе Россіи, мыслимой, как національное и культурное единство, невозможно без возстановленія в ней христіанства, без возвращенія ея к христіанству, как основѣ ея душевно-духовнаго міра. При всякой иной — даже христіанской, но не православной — религіи, это будет уже не Россія. Без религіи — это не нація, а человѣческое мѣсиво, глина, из которой можно лѣпить все, что угодно, камень, дерево, металл, который можно дробить на какія угодно части. Имена Евразіи, Восточно-Европейскаго государства и т. п. уже указывают возможныя формы ея гибели.

Это новое крещеніе Россіи, конечно, может совершиться только силами ея христіанскаго остатка. Он существует. Мы не только вѣрим в него, но и знаем о нем. Он носит в себѣ образ и форму будущей Россіи — если ей суждено возродиться.

Если? — Возможно ли здесь сомнѣніе? Не преступно ли само сомнѣніе?

Есть два рода сомнѣнія. Одно разлагает, убивает мужество, зовет к бездѣйствию. Иное — сомнѣніе борца. В сущности — не сомнѣніе, а сознание опасности, которое заставляет наперечъ всѣ силы в борьбѣ за безцѣнное благо, поставленное на карту. В борьбѣ, напротив, безопасность, наивная увѣренность в успѣхѣ является нерѣдко источником поражений. Римскій сенат когда-то благодарил консула, легкомысленно погубившаго свое войско в сраженіи с Ганнибалом: «Варрон не отчаялся в спасеніи отечества». Среди обуревающаго многих безвѣрія и пессимизма хочется привѣтствовать вѣру в Россію пореволюціоннаго поколѣнія. Бѣда лишь в том, что борьба наша не с внѣшним, а с внутренним, пржеде всего духовным врагом. Презирать его — значит открыть ему двери. Читая страницы нѣкоторых наших мессіанистов, нельзя отдѣлаться от ощущенія, что Ганнибал не у ворот, а в стѣнах города.

В недавно вышедшем романѣ Таманина «Отечество» автор сводит религіозные счеты с Россіей. Его герой, пройдя сквозь муки первых большевистских лѣтъ, приходит к религіозному просвѣтленію и вмѣстѣ с тѣм к преодолѣнію своего природнаго, натуральнаго націонализма. В этом я готов видѣть положительный смысл идеологическаго романа. Зато страшным и религіозно необоснованным мнѣ представляется его разрыв с Россіей: «Не знаю, откуда это чувство, даже почти увѣренность, — что она погибла... Не строй погиб, а страна, русская нація». И еще: «Наших мученій ни одно государственное устройство уже не стоит. А родина стоит ли? Когда-то от обольщенія родиной погиб цѣлый народ. И перед нами то же, как во дни Тиверія: опять страшный выбор между родиной и Богом сдѣлать надо».

Не знаю, какое право имѣет автор (хотя бы устами героя), говорить о совершившейся гибели Россіи. К тому же слова эти относятся к тѣм годам, когда сопротивление Россіи коммунизму носило героическія формы: в военной борьбѣ и христіанскомъ мученичествѣ и мужественномъ сопротивленіи большей и лучшей части интеллигенціи. С тѣх пор многое измѣнилось — к худшему. Сжался, порѣдѣл вѣрный остаток... И все же, пока он существует, пока духовная борьба за душу Россіи не прекра-

тилась, мы не можем говорить о гибели Россіи. Таманин скавал громко лишь то, что про себя шелчут многие в эмиграціи: оттого и бѣгут в иностранное подданство, в католичество, в чужую жизнь.

Честь молодежи, которая не поддалась малодушію и, наперекор всему, не потеряла вѣру в Россію. Однако и ей есть к чему прислушаться в словах Таманинскаго героя. Выбор между родиной и Богом все-таки нужно сдѣлать. Хотя бы для того, чтобы возстановить истинную іерархію цѣнностей, — чтобы не в одном духѣ и смыслѣ произносить соблазнительныя слова: «за вѣру и отечество» (для других еще и «царя»).

Христос требует жертвы, — самым дорогим и священным, что есть у человѣка: отцом и матерью, слѣдовательно, и родиной. Так как Он есть вѣчная жизнь то ничто живое в Нем не погибает. Он вернет человѣку мать и отца, вернет и родину, но вернет иными, для иной, болѣе чистой любви. Любовь во Христѣ есть любовь к идеальному образу любимаго лица. Она не исключает и плотской теплоты и служенія цѣлостному душевно-тѣлесному существу, но она подчиняет все низшее, хотя бы и оправданное, хотя бы и прекрасное, духовному образу. Христіанская любовь к родинѣ не может ставить высшей цѣлью служеніе ея интересам и ея могуществу — но ея духовный рост, творчество, просвѣтленіе, святость.

Впрочем все это охотно признается современным мессіанством. Вѣдь, и для него высшее — духовное призваніе Россіи — благая вѣсть, которую она несет міру. Соблазн русскаго мессіанства в другом: прежде всего, в гордости своего призванія.

Гордость призванія! И какого призванія... Как будто такое призваніе можно носить легко и удобно, как хорошо сшитое платье. Такое призваніе, если только помнить о нем, — жерновом ляжет на плечи, бросит крестом на землю, пронзит сердце кровоточащей раной. Вѣдь, дѣло идет не о чем ином, как о спасеніи міра. Для христіанскаго сознанія только жертва имѣет спасительное значеніе. И так как эта жертва принесена раз навсегда за весь мір, то спасеніе теперь может означать лишь принятіе этой Голговской жертвы, лишь соучастіе в ней. Так правильно понялъ свое призваніе польскій мессіанизм, основав-

пий свою вѣру в Мессію-Польшу на безмѣрности ея страданій и ея вѣры.

Я думаю, что и польскій мессіанизм был неправ. Ибо в христіанском мірѣ не может быть народов-мессій, спасающих чело­вѣчество. Каждый народ, спасая себя, участвует в общем спасеніи — имѣет свое, хотя и неравное по дарам и значенію, призваніе — миссію. Но, если когда-нибудь был мессіанизм оти­сительно оправданный, то это мессіанизм польскій.

Русскому мессіанизму всегда не хватало одного из двух существенных моментов, или страданія (в прошлом), или вѣрности (в настоящем). Впрочем, русскіе славянофилы, с прису­щим им религіозным тактом, никогда не говорили о мессіаниз­мѣ Россіи. Однако, многое из этой польско-католической идеи переносилось ими на Россію. Россія, спасающая мір, — такова была их эсхатологическая утопія. Христіанская неправда ея была в том, что Россія мыслилась ими во всеоружіи своей госу­дарственной мощи и славы. Жертвенное спасеніе подмѣнялось империализмом Кесаря. Младшее поколѣніе славянофилов стало жертвой этого грубаго нехристіанскаго соблазна и этим сорвало дѣло православнаго возрожденія в Россіи. Достоевскій-публицист именно здѣсь предает художника-провидца.

С тѣх пор утекли океаны воды. Совершилось, — вѣрнѣе об­нажились во-очію — религіозное отступничество Россіи. Когда-то один из самых чутких глашатаев нашего христіанскаго воз­рожденія вопрошал Россію:

Каким ты хочешь быть Востоком,
Востоком Ксеркса иль Христа?

Уже поколѣніе Александра III дало на этот вопрос ясный, хо­тя и безсознательный отвѣт. Идеал правды был принесен в жертву славы и мощи. Стилизованный по-православному Ксеркс стал идеалом православнаго царя и всего русскаго мнимо-хри­стіанскаго націонализма. Отступничество революціи было пред­восхищено давно — Леонтьевым и Данилевским. Большевизм, сорвав всѣ маски, строит Россію Ксеркса.

Если трудно издали видѣть Россію, судить о происходящих в ней соціальных и культурных процессах, то еще труднѣе су-

дять о совершающемся в ея духовной глубинѣ. Во всяком случаѣ, нѣтъ ничего, что бы оправдывало безответственное покаяніе. Кричать сейчас о побѣдѣ христіанства в Россіи—все равно, что затягивать свадебную пѣсню на похорнах. Правящая, активная, молодая Россія, насчитывающая во всяком случаѣ миллионы... глоток, гонит христіанство с яростью одержимаго. Горсти мучеников умирает в каторжных тюрьмах и ссылкѣ. Масса не поднимается на защиту ея вчерашних святынь. Звѣрняя борьба за жизнь поглощает ее всецѣло. Трудно судить, остается ли еще уголок в ея душѣ, доступный нездѣшнему Слову. Можетъ быть, еще как вздох о невозвратном, утраченном и невозможном...

Как бы ни оцѣнивать силы борющихся сторон, ясно одно. Сейчас происходитъ отчаянная борьба за душу Россіи и ея духовную судьбу. Сколько праведниковъ спасаютъ Содомъ? Кто сочтетъ? В рукахъ архангела повисли вѣсы надъ бездною, и чашка ихъ колеблется подъ тяжестью бѣдныхъ человѣческихъ душъ. Таково должно быть наше воспріятіе совершающагося. Это страшно. Это страшнѣе, чѣмъ у постели тяжело больного в часъ кризиса. И в этотъ часъ — молчанія и молитвы — кошушвенна осанна іерехонскихъ трубъ, неумѣстны торжественные гимны на тему: «С нами Бог! Разумѣйте, языци, и покоряйтесь»...

Если же не молчаніе, а слово, то о чемъ? Какое слово можетъ быть религіозно дѣйственно, можетъ помочь спасительному выходу изъ кризиса? Только одно: вѣчное слово о покаяніи.

Покаяніе — рас и отвращеніе къ себѣ («и трепещу и проклинаю»), ненависть къ прошлому, черта, рубежъ, удар ножа, — новое рожденіе, новая жизнь... *Inscipit vitam novam.*

Почему Россія — христіанская Россія — забыла о покаяніи? Я говорю о покаяніи національномъ, конечно. Было ли когда-нибудь христіанское поколѣніе, христіанскій народъ, который, передъ лицомъ историческихъ катастрофъ, не видѣлъ в нихъ карающей руки, не сводилъ бы счеты со своею совѣстью. На другой день послѣ татарскаго погрома, русскіе проповѣдники и книжники, оплакивая погибшую Русь, обличали ея грѣхи... Жозефъ де-Мэстръ видѣлъ в революціи судъ Божій. А в православной Россіи не нашлось пророческаго обличающаго голоса, который показалъ бы нашу вину в нашей гибели. Это безчувствіе національной

совѣсти само по себѣ является самым сильным симптомом болѣзни. Пореволюціонные націоналисты в этом отношеніи, как двѣ капли воды, похожи на своих отцов: націоналистов школы Александра III. Если от послѣдних христіанская совѣсть требует покаянія в грѣхах старой Россіи, то от первых, стоящих на почвѣ революціи, требуется покаяніе в ея грѣхах. Каково должно быть пореволюціонное христіанское сознание? Оно прежде всего исполнено ужаса перед революціей, как своим грѣхом, грѣхом своего народа, и стремленія начать новую жизнь, чистую от кровавых воспоминаній, хотя и на почвѣ, политой кровью, в условіях, созданных революціей.

Вмѣсто этого христіане говорят о переключеніи революціонной энергіи. Это значит: та ярость, та одержимость злобы, которая сегодня направлены на построеніе классового и безбожнаго Интернаціонала, завтра будут направлены на созиданіе національной и православной Россіи. Какой кошмар! Рука, убивающая сегодня кулаков и буржуев, завтра будет убивать евреев и инородцев. А черная человѣческая душа останется такой же, как была: нѣтъ, станет еще чернѣе...

Я знаю, что ничего такого не хотят пореволюціонные христіане. Но, не требуя покаянія, но, преклоняясь перед разливом революціонных стихій, такое будущее они готовят. Самое страшное, что в этой перспективѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Ненависть, большая и ослѣпляющая, как и манія преслѣдованія, легко могут измѣнять свой объект. Народ, который за нѣсколько лѣтъ до революціи избивал социалистов, стал избивать буржуев, — оставшись в сущности самим собой. Если отвлечься от религіозной темы, то переключеніе революціонной энергіи в національную — самое обыкновенное явленіе. Наполеон вырывается из Дантона, как Муссолини из Гарибальди. Только никакими переключеніями зла нельзя получить ни скрупула добра. Оцерковленное, оправославленное зло гораздо страшнѣе откровеннаго антихристіанства.

Безконечно тяжело, что наше національное возрожденіе хотят начинать, вмѣсто плача Іереміи, с гордой проповѣди Филовея. Бѣдный старец Филовей, который уже раз отравил русское религіозное сознание хмелем національной гордыни. Поколѣніе Филовея, гордое даровым, незаработанным наслѣдіем Византіи,

подмѣнило идею русской Церкви («святой Руси»), идеей православнаго царства. Оно задушило ростки свободной мистической жизни (традицію преп. Сергія — Нила Сорскаго) и на крови и обломках (опричинна) старой, свободной Руси построило могучее восточное царство, в котором было больше татарскаго, чѣм греческаго. А между тѣмъ Филоевъ был объективно прав: Русь была призвана къ пріятію византійскаго наслѣдства. Но она должна была сдѣлать себя достойной его. Отрекаясь от византійской культуры (замучили Максима Грека!), варварская рука схватилась за двуглаваго орла. Величайшая въ мірѣ имперія была создана. Только наполнялась она уже не христіанским культурным содержаніемъ.

Трижды отрекалась Русь от своего древняго идеала святости, каждый разъ обѣдая и уродуя свою христіанскую личность. Первое отступничество — съ поколѣніемъ Филоева, второе — съ Петромъ, третье — съ Ленинымъ. И все же она сохраняла подспудно свою вѣрность — тому Христу, въ котораго она крестилась вмѣстѣ съ Борисомъ и Глѣбомъ — страстотерпцами, которому она молилась съ кроткимъ Сергіемъ. Лампада преп. Сергія, о которой говорилъ Ключевскій, еще теплилась до нашихъ дней. И вот теперь, когда всей тучѣ большевистскихъ бѣсовъ не удалось задуть ея, вызываютъ, какъ Вія, изъ гроба старца Филоева: не задуетъ ли онъ?

Будемъ вѣрить, что не задуетъ, и что изъ всѣхъ блужданій и блуда, освобожденная отъ семи бѣсовъ, Россія, какъ Магдаллина, вернется къ ногамъ навсегда возлюбленнаго ею Христа.

Г. Федотовъ.